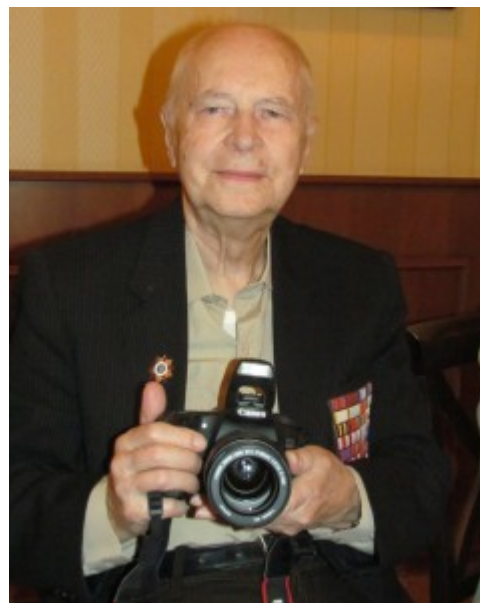

Игорь Осипов. «После школьного бала – война!»

Воспоминания члена СЖМ Игоря Сергеевича Осипова – участника Великой Отечественной войны, генерал-майора в отставке

... Многое в моей армейской жизни определил не военный, а милицкий работник. Это был капитан милиции Горелов – наш комбат. В июльские дни 1941 года он дал нам путевку в войсковую жизнь в рядах истребительного батальона НКВД по борьбе с десантами и диверсантами.

Было это в Харькове. Школы прощались с выпускниками. Вручены аттестаты, отшумели балы. В субботний вечер 21 июня прощались мы со школьными друзьями, весело и грустно болтали, клялись в вечной дружбе, а то и в любви. Строили институтские, военно-призывные и прочие мирные планы. Арсенал прощания выплескали, казалось, до дна в ту короткую летнюю ночь. Самые стойкие решили снова собраться к полудню в воскресенье – 22 июня. Шампанское допить, недосказанное договорить.

Собрались к 11 там же, на квартире школьного друга. Усадили и его родителей за стол, наполнили бокалы.

Мать друга, желая нам успехов, как-то «не по теме» завершила свой тост:

– Выпьем, дети, за то чтобы не было войны.

Но отец, рабочий-коммунист, внес в этот «политически неточный», как он подчеркнул, тост, свои партийные коррективы:

– Нет, мать, война будет. Выпьем за то, чтобы ее подольше не было.

Не особо задумываясь, мы дружно осушили бокалы.

Разговориться не успели. Помешала черная тарелка репродуктора. Диктор сурово предупреждал, что последует важное правительственное сообщение.

Атмосфера стала тревожной.

Я жил в двух шагах от места нашего сбора, помчался домой предупредить родителей. Прибежал. Мама в ожидании за столом, перед ней – будильник, напротив, на подзеркальнике, черная тарелка репродуктора «Рекорд».

– Игорь, это – война!

Мама держит в руке знакомую мне газетную вырезку, в которой шла речь о гитлеровских агрессивных планах. Газета об этом щедро писали. Планы Гитлера настойчиво реализовывались в Западной Европе. Мама была уверена, что наступит и наш черед.

– Какая война, мама? Откуда? С кем?

Я умчался к ребятам. К началу выступления Молотова немного опоздал. Но мама была права... Я вернулся уже в другую, военную эпоху.

Война! Жизнь понеслась по невероятно тяжким дням, месяцам и трагическим годам войны.

За столом было четверо ребят и все двинулись в военкомат. Написали и вручили дежурному заявления с просьбой зачислить в армию добровольцами. Дежурный потребовал переписать: нужны рапорта, а не заявления. Переписали. Дождались военкома. Он

предложил не спешить, несколько обождать: «Пока обойдутся без нас, необученных, не достигших 18-ти».

Ждать не стали. Через райкомы комсомола и партии добились зачисления в истребительный батальон НКВД. И вот здесь встретил и поверил в нас только-только назначенный милицейский комбат Горелов.

Разместились в здании Харьковского ипподрома. Комбат разъяснил, что школьное сюсюканье и ученический анархизм надо оставить в мирном прошлом. Начинаем формировать партийно-комсомольский батальон, учиться всерьез военному делу и нести службу.

Процесс пошел. Война подгоняла.

Милицейский капитан умел всё. Прежде всего – учить примером. Меткий стрелок и отличный методист. Самбист. Знающий оперативник. Деятельный и требовательный организатор. Его занятия, инструктажи, разъяснения и постановка задач по ориентировкам были отличной школой и образцом оперативно-боевой педагогики.

И все это так пригодилось тогда и в дальнейшем, особенно – на фронте.

А главный талант капитана: умение требовательно и увлеченно, с пользой работать с людьми. Он знал и любил эту работу.

Еще не укомплектовались, а уже пришло вооружение, как говорили, из польских и румынских трофеев: винтовки «Маузер», пулеметы «Браунинг» и МГ-34. Инструкций и наставлений – нет. И комбат доверил нам, вчерашним школьникам, и сам помог освоить это оружие, даже приобрести инструкторские навыки. Пришлось обучать сборке и разборке прибывающее пополнение.

Фронт приближался к городу. Начались бомбежки. Шла эвакуация. Все больше возникало оперативно-служебных задач, поисковых операций, ночных дежурств и засад. Обезвреживались вражеские

ракетчики, сигнальщики. Обеспечивались меры охраны предприятий города.

Все это были разноплановые, главным образом внезапно возникавшие и требовавшие постоянной готовности, задачи. В дальнейшем батальон влился в полк народного ополчения Харькова.

Комбат Горелов хорошо подготовил свою часть, умело расставил кадры. А ему было из кого выбирать. Командиром моего взвода назначен профессор Вальтер, один из ведущих ученых Украинского физико-технического института (УФТИ). Здесь шла активная работа по исследованию атомного ядра и был создан первый в СССР (1935-36 гг.) электростатический ускоритель электронов до 2 МэВ. Пожалуй, это был самый интеллектуальный командир взвода, которого можно было себе представить. Профессор с уважением относился к комбату и сам был образцом четкости, организованности, требовательности. Чувствовалось, что они с большим доверием относятся друг к другу, к своему профессиональному опыту. Профессор Вальтер, взводный наш командир, и 4-5 физиков его лаборатории очень дотошно осваивали трофейную технику. Под стать взводному были и подчиненные. Командовал отделением доцент Украинского института журналистики. Первым номером моего пулемета назначен тоже доцент Механико-машиностроительного института – Борисов. Парторг взвода – преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Авиационного института. В пору было во взводе создавать ученый совет!

В батальон пришли и старшекурсники института физкультуры, а также динамовцы: борец Бездоля – чемпион Украины по классической борьбе. Много было добровольцев-коммунистов непризывных возрастов из городских предприятий.

Вскоре пришлось тепло попрощаться с профессором Вальтером и его подчиненными физиками-ядерщиками. Мы все с пониманием отнеслись к тому, что перед началом боев за город нашего командира взвода и его сотрудников успела отозвать Академия

наук СССР. Их ждали другие, еще более ответственные дела обороны страны.

После окончания войны я узнал, что Антон Карлович Вальтер, академик АН УССР, участвовал в создании атомно-ядерной мощи страны вместе с Курчатовым, Вельдовичем, Ландау, Александровым, Алихановым и другими учеными-физиками, гордостью нашей науки.

Внучке я рассказывал, как робко пришлось обучать профессора и физиков-атомщиков разборке и сборке пулемета «Браунинг». Она не верит. Но это действительно было.

После оборонительных боев и бесславного отступления из Харькова нас влили в потрепанные части 216-й стрелковой дивизии. В боях в Донбассе, под Ростовом, в декабрьском наступлении под Таганрогом пришлось хоронить или вытаскивать ранеными многих друзей-добровольцев. И спортсменов, и доцентов, Ежедневными и обреченными на неудачу были ноябрьское 1941 года атаки хребта на западном берегу речушки Миус. Ни сил достаточных, ни средств артиллерии, ни авиации. Жертв было немало. Уже потом стала понятна необходимость этих упорных атак. Ведь в битве под Москвой решалась судьба столицы, развертывалось контрнаступление, нельзя было допустить переброски вражеских сил с южного фронтового фланга. Из окопа не видна вся высшая математика военной стратегии. Жертвы, к сожалению, бывают неизбежными. Хотя это трудно по-человечески воспринимать.

В ходе декабрьских боев из поредевшей стрелковой роты попросились десятиклассники в разведку. Сослались на свою подготовку в батальоне НКВД, получили добро у командира и комиссара 665-го стрелкового полка. Взводы конной и пешей разведки были положены полку по штату, и в последнем из них пришлось немало поползть с конца декабря 1941-го по май 1942 года. Вот когда особенно пригодилась школа милицейского капитана Горелова.

Оказались мы далеко не последними даже среди бывалых разведчиков, хотя пришлось и у них многому поучиться. Особенно выделялись кадровые воины, но они были наперечет. Ведь минуло уже полгода войны.

Поначалу удивило нас, что среди разведчиков есть и осужденные. События военной жизни богаты неожиданностями, необычностью людских судеб. Да и несправедливостей встречалось немало. Слишком уж тяжелы были и первый период войны, и жуткая горечь отступления.

Знакомимся с разведчиками – отличные ребята. Не таясь, говорят все о себе и того же требуют от новичков. Узнаем, что был судим бывший шофер ЗИС-3 Василий Ц. Он доставлял продовольствие из тылов армии в дивизии. С грузом водки застрял на заснеженной дороге. В крепкий мороз согрелся и сам, и мотор грел и отблагодарил выручившего его водителя. Выкарабкался. Но за недостачу груза получил срок от военного трибунала с отбытием на передовой. Старший лейтенант Т., пилот ТБ-3, помахал крылышками бомбардировщика над хатой своей возлюбленной. Сел неудачно – подломил шасси. За хулиганство в воздухе осужден трибуналом, разжалован в рядовые с отбытием наказания на передовой. Десантник, Виктор Д. тоже за какую-то провинность очутился в пехоте.

Не хочу утверждать, что суровые меры не были обоснованными. Но эти ребята страстно желали быстрее смыть в бою позорное пятно судимости ценою крови или даже жизни. Именно поэтому настойчиво просились в разведку. И добивались своей цели. Судимости снимались. Так вскоре проводили нашего летчика, восстановленного в звании и в родной авиации.

Тяжелые бои зимой и ранней весной 1942 года в Донбассе под Краматорском, Луганском, Изюмом, Краснодоном, в районе Барвенково-Лозовая требовали больших войсковых усилий. Трагедия окружения под Харьковом стала преддверием летнего наступления вермахта на Юге.

К тому времени из разведки меня откомандировали на курсы младших политруков 18-й армии. В их составе пришлось участвовать в арьергардных боях. Отступали через Дон и Кубань. Очутились в Черноморской группе войск Закавказского фронта, вели бои на горных перевалах под Туапсе. А затем снова служба в родной 216-й дивизии: комиссар батареи, помощник начальника политотдела дивизии по работе среди комсомольцев. Впереди были бои под Новороссийском, на Голубой линии Тамани. И снова Донбасс. Но теперь уже освобождение. Затем река Молочная («линия Вотана») и Мелитополь, запорожские села, резкий поворот – на Крым, форсирование Сиваша и полугодовые бои на Сивашском плацдарме. Наконец – Симферополь, штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя, мыс Херсона, Крым очищен от гитлеровцев. Крым наш! Как наш он и сейчас, в 2014 году, после 60-летнего отрыва от России.

После операции «Багратион» и окружения Прибалтийской группировки повернули на Восточную Пруссию. Но здесь не повезло. Очередное, тяжелое ранение.

А впереди была Победа. Наша Победа. Дошли не все. Вечная память павшим...

Всегда с особой теплотой вспоминаю о тех, с кем верили в Победу с первых дней войны. Это комбат – капитан милиции Горелов. Побольше бы таких в наши дни. Это взводный командир – профессор атомщик, будущий член-корреспондент АН УССР Антон Карлович Вальтер. Это все наши доценты, пожилые и молодые воины-ополченцы, которые тогда, в 1941-42 г.г. были на дальних, начальных путях к Победе.

В эти дни, в канун 70-летия Великой Победы с особым чувством думаю и о своих сверстниках, выпускниках советских школ образца 1941 года, добровольцах и призывниках. Со школьного выпускного бала они дружно, смело, самоотверженно шагнули в войну и достойно советской школы прошли этот путь вплоть до Победы!

15 октября 2014 г.

ФОТО Ольги Давыдовой.